

УДК 351.74(091)

Части особого назначения Иркутской губернии (забытый опыт контртеррористической борьбы)

И. В. Брюханов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассмотрен процесс формирования, становления, боевой деятельности и расформирования частей особого назначения – специфических подразделений правоохранительной системы. Представляется, что данный опыт в определенной степени может быть использован при организации современной правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: части особого назначения, контртерроризм, правоохранительная деятельность, банды, разведывательная служба частей особого назначения.

В настоящее время значительные усилия правоохранительной системы затрачиваются на борьбу с так называемым терроризмом. Проблема в современных условиях приобрела международное значение. Деятельность проводится по двум основным направлениям: борьба против террористических организаций, профилактическая контртеррористическая деятельность. Многочисленные террористические акты, совершаемые у нас в стране и за рубежом, свидетельствуют о том, что такую деятельность нельзя назвать безусловно успешной. Многие «контртеррористические» мероприятия создают неудобства, порождают недовольство граждан, являются неэффективными. Представляется, что контртеррористическая деятельность правоохранительной системы должна опираться на исторический опыт.

Деятельность террористических организаций происходит вне поля зрения традиционных органов правопорядка и требует формирования особых подразделений, а также проведения особых мероприятий традиционными органами правопорядка. Деятельность не должна быть застывшей и неизменной. Положительный опыт аналогичной правоохранительной работы был накоплен в начале 20-х гг. прошлого века в частях особого назначения. Части особого назначения были организованы и действовали на территории Иркутской губернии. Деятельность данных формирований изучена недостаточно, в прошлом такие подразделения исследовались в основном как коммунистические формирования. Части особого назначения существовали непродолжительный срок, несколько обособленно, использовали специфические методы работы и после выполнения поставленных задач были расформированы.

Восточная Сибирь начала 1920-х гг. было была мало заселена, имея при этом большие территории лесных массивов, естественные преграды в виде рек и озер. Возможен был временный уход в Монголию по рекам Китой и Иркут. Это создавало условия для длительного существования банд. Для

борьбы с бандитами войсковые подразделения не были предназначены, после окончания боевых действий значительная часть войск выводилась в другие регионы. Органы милиции и госбезопасности на местах были малочисленны. По этой причине для борьбы с бандитизмом были использованы части особого назначения (ЧОН). Некоторые обстоятельства дают основания полагать, что первоначально части особого назначения были предназначены для организации борьбы с внешними врагами. В отрядах ЧОН, в отличие от Красной Армии, командиры и красноармейцы являлись руководителями, инструкторами, имели особую контрпартизанскую подготовку.

При формировании, обучении, боевой работе отряды ЧОН руководствовались циркулярами, распоряжениями и приказами, которые издавались руководством республики. Основное руководство проводилось командованием ЧОН губернии. Для более тесного взаимодействия с местными органами власти при местных партийных комитетах создавались советы ЧОН. Положение о ЧОН предписывало: «Совет, не вмешиваясь в технические распоряжения комсостава..., следит за состоянием отрядов особого назначения, поднятием боеспособности и недопущением уклонения от службы...» [1]. Заседания проводились ежемесячно.

Для решения задач военного обучения на первоначальном этапе было принято решение о вхождении ЧОН в систему всеобуча. Но уже через короткое время ЧОН стали самостоятельной структурой. В начальный период основное внимание уделялось прохождению индивидуального военного обучения, посещению занятий. Затем проводилось обучение в составе подразделений. Личный состав отрядов ЧОН делился на две категории – кадровый и милиционный. Кадровый состав являлся военнослужащими Красной Армии. Милиционный состав работал на предприятиях, систематически привлекаясь для прохождения обучения и участия в боевых операциях в качестве рядовых бойцов. Должности руководителей занимали не только командиры, но и красноармейцы. Это объяснялось тем, что основной ударной силой в ЧОН являлась малая мобильная боевая группа.

Первоначально подразделения имели обычную для армии структуру. Так, Иркутский пехотный коммунистический полк имел трехбатальонную структуру, в его распоряжении в качестве приданных сил находились пулеметная команда, команды пеших и конных разведчиков, иные обеспечивающие подразделения [2]. Для увеличения эффективности работы в губернии были сформированы небольшие по численности кавалерийские подразделения.

Личный состав ЧОН формировался только из коммунистов и комсомольцев, рекомендованных местными партийными организациями. Вначале на учет брались все коммунисты и комсомольцы в возрасте от 17 до 55 лет, затем решался вопрос о возможности использования кандидата на службе в ЧОН. Кандидат оценивался специальными комиссиями по двум критериям: состояние здоровья и партийная принадлежность. Комсомольцы в возрасте до 17 лет и женщины учитывались и привлекались к несению вспомогательной службы. В зависимости от места работы, квалификации формировались очереди призыва.

Первая очередь составляла основу отрядов ЧОН, в нее включались наиболее подготовленные коммунисты, способные быстро мобилизоваться и вести боевые действия по всей губернии. Вторая состояла из ответственных работников, рабочих важных предприятий. Их планировалось привлекать к боевым операциям лишь в исключительных случаях. В зависимости от уровня подготовки коммунары делились на разряды. Наиболее подготовленные составляли первый разряд. Контроль за посещением занятий проводился в отрядах ЧОН и в партийных организациях, обучение проводилось в обязательном порядке.

Программа подготовки включала различные предметы: изучение материальной части оружия, общевойсковую тактику, приемы и методы ведения малой войны, партизанские и контрпартизанские действия, разведывательно-диверсионную подготовку. В отдельный предмет включалось изучение современных для того времени видов вооружения, пулеметов, гранат, изучались даже приемы борьбы с танками, действия против регулярных войск и др. Занятия планировали проводить 3 раза в неделю, по 2 часа, в выходные 4 часа. В дальнейшем практиковалось наиболее интенсивное обучение коммунаров, на короткое время привлекаемых на казарменное положение.

Например, в мае 1922 г. при обучении коммунаров и командиров, привлеченных на казарменное положение, программы содержали следующее количество часов: коммунары 1-го разряда – 48 часов за 1 неделю; кадровый и милиционный состав от комвзвода до комроты – 72 часа за 3 недели [3].

Формировались отдельные, наиболее подготовленные подразделения. Например, в приказе командующего ЧОН губернии Какоулина говорилось: «При формировании показно-стрелковой роты особое внимание должно быть обращено на подготовку специалистов-пулеметчиков, гренадер, сигнальщиков и разведчиков...» [4]. В целом программа отвечала требованиям контрпартизанской борьбы, в ней наиболее ярко отражался принцип, не потерявший актуальности и сегодня: «Хочешь бороться с партизанами, сам стань партизаном». В Иркутске роты и батальоны были сформированы в местах компактного проживания или работы. После обучения оружие хранилось у «коммунаров» на руках. По тревоге они должны были прибывать на места сбора и действовать по плану обороны города и др. Отряды располагались в наиболее беспокойных волостях губернии, некоторые имели временную дислокацию.

Например, в конце 1922 г. подразделения ЧОН губернии были расположены: 1-й батальон – штаб в Иркутске, 2-й батальон – штаб в Тулуне, Качугская рота – штаб в Верхоленске, Кабанский кавэскадрон – штаб в Кабанске, Иркутский кавэскадрон – штаб в Утулике, кавдивизион 35-й дивизии – штаб в Усть-Орде. Крупные части располагались в нескольких населенных пунктах, например, подразделения Качугской роты располагались: 1-й взвод – Качуг, 2-й взвод – Жигалово, 3-й взвод – Тимошино [5]. В некоторых случаях на местах командир малого подразделения, имея кадровый штат из 2-3 человек, вместе с местными партийными организациями формировал отряд ЧОН. Всего в течение 1922 г. списочный состав ЧОН Иркутской губернии составлял около 1000 бойцов и командиров, численность не была постоянной [6].

Деятельность подразделений ЧОН против бандформирований (как тогда говорили – «бандитгрупп») становилась успешной лишь при грамотно налаженной разведывательной работе. Сбор разведывательной информации производился военными ЧОН, в каждом подразделении до отдельного взвода включительно была предусмотрена должность завразведкой (заведующего разведкой). Важно было узнать, где находится банда, кто руководитель, как решаются вопросы снабжения и др. Особенностью деятельности банд был тот факт, что при ликвидации руководства, лишении снабжения и поддержки населения они достаточно быстро прекращали свое существование. Рядовые бандиты, в большинстве своем крестьяне, расходились по домам. Разведка делилась на войсковую, агентурную, иные виды. При проведении войсковой разведки применялись: поиски, наблюдение, засады, опрос местных жителей, допросы пленных, изучение документов, захваченных у бандитов и т. д.

Для сбора агентурной информации организовывалась разведывательная структура. Агент-наблюдатель находился практически в каждом населенном пункте. Для выполнения задач разведывательного характера в разные районы направлялись связные и наблюдатели. Иногда для маскировки применялось различного рода легендирование (прикрытие). Систематически предпринимались разведывательные рейды небольших отрядов. В практику работы ЧОН вошел термин «освещение местности», т. е. сбор информации всеми видами разведки.

Информация подразделялась по источнику получения: войсковая разведка армии, войсковая разведка ЧОН, агентура ЧОН, агентура ГПУ, документальные данные, данные местных жителей, данные пленных. Обработанные сведения представлялись в ежемесячных сводках. Сводка включала характеристику банд, действующих на территории различных районов губернии; информацию о разгроме отдельных групп, изменении активности, настроении крестьянских масс; составлялось «обновленное расписание» банд [7]. Например, в разведывательной сводке от 1 февраля 1923 г. указывалось: «Всего по губернии числится 4 банды общей численностью 76 человек, из них активных две, численностью 50 человек. Остальные пассивные» [8]. В «расписании» банд входили различные сведения: фамилия руководителя, количество бандитов, количество оружия по видам, наличие пулемета, порядок снабжения, политическая «окраска», характер деятельности [9].

С течением времени сформировались эффективные методы противодействия бандитизму. Вначале боевые действия являлись скорее войсковыми операциями, они велись сравнительно большими подразделениями, напоминали действия пехотных частей. В дальнейшем методы работы кардинально изменились. На основании анализа поступающей информации (совершенные преступления, направление и скорость движения банды) планировались мероприятия, которые в виде боевых приказов доводились до подразделений.

Наиболее эффективными были действия по формированию «боевых участков». Район действия банды объявлялся боевым участком, назначался командир, которому в оперативное подчинение передавалась временно

сформированная группировка сил. В нее входили подразделения, которые постоянно находились на данной территории, а также приданные силы. Коммунары переводились на военное положение, на сопредельных территориях находились в готовности дежурные подразделения. На боевом участке плотность сил правопорядка увеличивалась, деятельность становилась более активной, усиливалось ведение всех видов разведки.

Так, 13 февраля 1923 г. в приказе по ЧОН говорилось: «Принимая во внимание что Донской... продолжает свирепствовать на территории Балаганского уезда... – сформировать боевой участок в границах Балаганского уезда со штабом участка в В. Острожном» [10]. На территории боевого участка активно действовали «истреботряды». Так назывались малые мобильные разведывательно-поисковые группы. Такие подразделения, не вступая в бой, вели войсковую разведку, наблюдение, собирали агентурную информацию. При обнаружении малочисленных групп бандитов принимали меры к их уничтожению или пленению. Особо оговаривалось требование при соприкосновении с бандой не терять связи и продолжать преследование. От отрядов требовалось быть мобильными, настойчивыми и инициативными. Действия по «самоохране» и без определенного плана осуждались.

В августе 1922 г. на территории Иркутской губернии против банд действовало 19 отрядов общей численностью 793 человека при 883 винтовках, 701 сабле и 12 пулеметах [11]. В среднем боевая группа включала около 30 человек, практически все действовали на лошадях, большинство групп усиливалось пулеметом. Иногда при необходимости выставлялись заслоны, засады, скрытые посты наблюдения. Такие действия при общей координации из губернского центра были наиболее эффективными. После разгрома крупных банд предпринимались меры по изъятию в населенных пунктах «пассивных» бандитов. Для разоблачения преступников допускалась контролируемая утечка информации о том, что часть бандитов служит Советской власти. Иногда это приводило к расправам и вооруженным столкновениям между бандитами.

Не подтверждаются архивными данными утверждения о массовых репрессиях сотрудников ЧОН по отношению к мирному населению. Время было жестким, и отношения между людьми зачастую были жестокими. Вместе с тем с июля 1922 по октябрь 1923 гг. отряды ЧОН губернии понесли следующие потери: убито – 33, ранено – 9, дезертировало – 3, пропало без вести – 2. Результаты боевой работы в отношении бандитов были следующие: убито – 9, ранено – 28, сдались – 28, взято в плен – 151, задержано как пособники – 236 [12]. Учет бандитов был налажен в конце 1920 г. Например, в мае 1921 г. на учете ЧОН состояло 470 бандитов. Местами дислокации банд указывались: Голуметь – 30, Балаганск – 200, Усть-Балей – 150, Усть-Орда – 50, Петрово – 70 [13].

Бандиты выполняли внезапные, как правило, ночные налеты на поселения, грабили жителей, убивали коммунистов. Грабили транспорты с грузом, следующие по «Якутскому тракту», в основном на участке Оек – Баяндай, в окрестных селах и улусах. Некоторые вели сознательную борьбу с новой властью, надеясь на возвращение прошлого. По данным ВЧК отмечалось

«...намерение маститых бандитов... соединиться и компактной массой двинуться через Верхоленский, Киренский уезды в Якутоблать, впитывая в себя по пути следования мелкие шайки» [14]. Иные были обычными бандитами, часть преступников просто выживала, скрываясь в тайге.

Преступники действовали в основном в знакомой местности, там, где часть населения поддерживала бандитов, в родных местах. Так, в информационной сводке ВЧК отмечалось: «В связи с наступлением весны могут появиться белобандиты и нанести повреждение сооружений, в особенности на протяжении от Тулуна до Иркутска, где окружает “казаческое” и кулацкое население» [15].

Часть таких районов была на значительном удалении от Иркутска – это Нижне-Удинский, Братский, Балаганский, Верхоленский уезды, населенные пункты Монды, Голуметь и др. Высокая активность банд наблюдалась в окрестностях Оека, на небольшом удалении от Иркутска. Зимой активность бандитов снижалась, летом повышалась.

Постепенно крупные банды были разгромлены, затем уничтожались мелкие группы, отдельные бандиты. Это отражалось в отчетных документах; например в июле 1923 г. в донесениях Верхоленской отдельной роты ЧОН сообщалось о том, что в районе спокойно, боевых действий нет и делопроизводство не ведется, агентура не обновляется. В качестве противодействия предлагалось переносить борьбу на сочувствующих, «связчиков» и др. [16]. По этой причине появлялась возможность сокращать отряды ЧОН.

Бойцы ЧОН, «коммунары», разоружались и возвращались к основной работе. Высвобождаемый кадровый состав передавался в подразделения Красной Армии. Часть красноармейцев увольнялась в запас. Переформировывались подразделения, например, вместо батальона формировалась рота. Так, приказ ЧОН губернии от 9 ноября 1922 г. о расформировании кавэскадрона предписывал: «1. Людей эскадрона, имеющих... право на увольнение, уволить, остающихся на службе обратить на комплектование 1-го ОН Иркутского и 2-го ОН Кабанского кавэскадронов, излишки передать в 5-ю Отдельную Кубанскую Кавалерийскую бригаду» [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в течение короткого периода (1920–1924 гг.) были сформированы, прошли обучение и приступили к эффективной боевой работе отряды ЧОН Иркутской губернии. Основу отрядов составили коммунисты и комсомольцы. Деятельность проводилась под руководством коммунистической партии. Были выработаны эффективные приемы и методы борьбы с бандитизмом. Части особого назначения не являлись армейскими подразделениями или милицией. Необычной была организация разведывательной службы и структура ЧОН. В результате были разгромлены банды большой численности, постепенно были уничтожены малочисленные группы и одиночные бандиты. Затем были расформированы отряды ЧОН.

Возможно, утверждать, что современная контртеррористическая деятельность должна опираться на исторический опыт. Деятельность террористов возможна, если большая ее часть происходит вне поля зрения правоох-

ранительной системы. Контртеррористическая деятельность должна проводиться особыми подразделениями, дополняющими контртеррористические меры традиционных органов правопорядка. Данная деятельность не должна быть застывшей и неизменной, должна своевременно реагировать на изменения криминогенной обстановки.

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1064. Л. 56. 2. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 668. Л. 117. 3. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1064 а. Л. 208. 4. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1064. Л. 39. 5. Государственный архив Иркутской области. (ГАИО). Ф. Р-1739. Оп. 2. Д. 76. Л. 59. 6. ГАИО. Ф. Р-1739. Оп. 2. Д. 2. Л. 39. 7. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1473. Л. 33. 8. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1473. Л. 34. 9. ГАИО. Ф. Р-1739. Оп. 2. Д. 76. Л. 1. 10. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1064. Л. 24. 11. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1074. Л. 184. 12. ГАИО. Ф. Р-1739. Оп. 1. Д. 22. Л. 46. 13. ГАИО. Ф. Р-1739. Оп. 1. Д. 22. Л. 49. 14. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1074. Л. 183. 15. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1074. Л. 33. 16. ГАИО. Ф. Р-1739. Оп. 1. Д. 22. Л. 11. 17. ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1064 а.	1. The Contemporary History State Archive of the Irkutsk region (CHSAIR). F. 1. Inv. 1. Doc. 1064. P. 56. 2. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 668. P. 117. 3. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1064 a. P. 208. 4. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1064. P. 39. 5. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F.R-1739. Inv. 2. Doc. 76. P. 59. 6. IRSA. F.R-1739. Inv. 2. Doc. 2. P. 39. 7. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1473. P. 33. 8. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1473. P. 34. 9. IRSA. F.R-1739. Inv. 2. Doc. 76. P. 1. 10. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1064. P. 24. 11. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1074. P. 184. 12. IRSA. F.R-1739. Inv. 1. Doc. 22. P. 46. 13. IRSA. F.R-1739. Inv. 1. Doc. 22. P. 49. 14. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1074. P. 183. 15. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1074. P. 33. 16. IRSA. F.R-1739. Inv. 1. Doc. 22. P. 11. 17. CHSAIR. F. 1. Inv. 1. Doc. 1064 а.

Л. 426.

P. 426.

Special Forces in the Irkutsk Province (Forgotten Experience of the Struggle Against Terrorists)

I. V. Briukhanov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers the process of formation, development, militant activity and reorganization of Special Forces and special subdivisions of law-enforcement system. In author's opinion, that experience could be useful in organization of current law-enforcement activity.

Key words: Special Forces, counter-terrorism, law-enforcement activity, gangs, intelligence agency of Special Forces

Брюханов Иван Владимирович – соискатель кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410б, тел. 8(3952)334372, e-mail: kedrov50001@yandex.ru

Briukhanov Ivan Vladimirovich – Post-graduate Student of the Department of Political Science and Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1-410b, phone 8(3952)334372, e-mail: kedrov50001@yandex.ru